

Внутри арены никто не проронил ни слова. Лишь один мастак подхватывать разговор брякнул:

— Ты и сам это прекрасно знаешь.

Шу Няньлин крепко сжал кулаки, но тут же разжал их и горько усмехнулся:

— Убейте меня.

— Едва ли это возможно, — развел руками Дао Гуйчжоу. — Ты ведь обрёл форму, поглотив духовную силу Плавкой Бусины? В каком-то смысле ты до сих пор считаешься духовным духом-хранителем этого артефакта.

Шу Няньлин произнес:

— Тогда уничтожьте меня вместе с А Жун.

Дао Гуйчжоу:

— ...

С чего это ему так приспичило умереть?

Он раздраженно бросил:

— Кого ты убил? Разве ты не знаешь о мирном договоре, заключенном между праведными и темными силами столетие назад? Если на твоём счету нет жизней, мы не имеем права тебя казнить.

— Передать их в Ляньюй? — И Цин слегка нахмурился. — Но ведь они — люди темного пути.

Юэ Цин посмотрел на И Цина, его тон был бесстрастным, а в глазах не было и следа улыбки:

— И Цин, таков закон.

Окружающие лесные деревья пестрели пятнами тени и света.

Дао Гуйчжоу приподнял руку, глядя на тени листы и солнечные лучи, падающие на его тыльную сторону ладони, и про себя тихо вздохнул.

Полночный кошмар какой-то.

От этой жуткой, зловещей тишины

он скоро задохнется, вам так не кажется?

С тех пор как Юэ Цин произнес то слово о законе, И Цин за всю дорогу не обмолвился ни единым словом, а лицо у него было мрачное, словно камень в деревенском нужнике.

Что же до Юэ Цина — с той самой минуты, как он лично передал Шу Няньлин и Плавкую Бусину демоническим посланникам из Ляньюй, фирменная улыбка на его лице побледнела до пугающего вида, напоминая улыбающегося демона.

Хотя он им по сути и был.

Случись что-нибудь другое, Дао Гуйчжоу непременно осмелился бы пошутить, но тут дело было замешано на Ляньюй.

Ляньюй являлся единственной организацией темного пути, а нынешним его правителем был совершенствующийся демон, он же — Владыка Демонов.

Темный путь издревле отличался от праведного: последователи зла жили разрозненно, не имея ни единого клана, ни школы. Адепты праведности никогда не брали их в расчет и при встрече уничтожали без разбору.

Но чуть больше ста лет назад внезапно объявился нынешний Владыка Демонов: он подчинил себе всех демонических практиков и силой покорил весь темный путь, основав Ляньюй.

А век назад он сошелся в битве с Юй Цином — первым человеком праведного пути с Горы Линшань, и схватка закончилась вничью. С тех пор праведные и темные заключили мирный договор.

Люди темного пути больше не предавались бессмысленной резне и грабежам и перестали практиковать зловещие и пагубные техники.

А адепты праведности тоже перестали рубить с плеча при одном виде нечисти и духов: тех, чья вина не тянула на лишение жизни, целиком и полностью передавали на суд Ляньюй.

И хотя обе стороны жили в мире уже целое столетие, но...

Праведность и тьма во веки веков несовместимы.

В первоначальном сюжете из-за падения Цзы Мина во тьму темный путь достиг беспрецедентного расцвета. С этого момента низы поднялись и затянули победные песни, в то время как праведники то и дело терпели ущемления со всех сторон — словом, жизнь их стала горькой, унылой и жалостливой.

Шедшие впереди двое хранили молчание, и Цзы Мин тоже вел себя необычайно тихо — хотя этот паренек, кажется, от природы никогда не был особо говорливым.

Но как бы то ни было, оказавшись зажатым между тремя спутниками, Дао Гуйчжоу чувствовал себя поистине словно в аду.

Тоскливо-то как.

Хоть кто-нибудь может сказать хоть слово?

[Би-би, босс меня зовет?]

Дао Гуйчжоу: ...Уж лучше бы ты молчал.

[? Что такое? Разве я больше не твой самый преданный собеседник?]

Дао Гуйчжоу: ...Нельзя ли в тебе пробудить хоть капельку системного самосознания? Займись тем, чем положено заниматься Системе!

[Могу.]

Как раз когда Дао Гуйчжоу решил, что Система вновь принялась за свои глупости, он услышал в своей голове её голос: [Дам тебе маленькую подсказку: это дело еще не закончено.]

Дао Гуйчжоу: ...

К черту твою маленькую подсказку.

Собирается он спасти Небесный Путь или нет?

Собирается ли спасти будущего павшего во тьму малыша?

Что случится, если сказать прямо?

Он теперь сам Небесный Путь, что еще может помешать тебе спойлерить?

[...Ты сам.]

[Позаимствую твое же выражение: можно ли назвать будущим то будущее, которое удастся подсмотреть?]

Дао Гуйчжоу сжал кулаки: да я тогда просто выпендривался перед малышом!

В полном молчании четвёрка вернулась на Гору Линшань. Юэ Цин повел И Цина отчитываться о выполнении сегодняшнего выездного задания, а Дао Гуйчжоу решил проявить заботу старшего дяди-наставника и проводить Цзы Мина обратно на Пик Шоулин.

Однако, стоило им проводить Юэ Цина с И Цином, как Цзы Мин остановился:

— Младший дядя-наставник, ступайте назад.

Дао Гуйчжоу, который как раз рассчитывал насладиться ролью провожатого, доставляющего ребенка домой:

— ? Тебе еще куда-то нужно?

Цзы Мин:

— Нужно сходить за духовной жидкостью для наставника.

У подножия Горы Линшань бил духовный родник, и целебная жидкость в нем впитывала в себя чистейшую ци неба и земли.

Наставник Цзы Мина, Юй Цин, каждый раз перед затвором обязательно захватывал с собой небольшой кувшинчик этой жидкости.

Штука эта была редчайшая и крайне норовистая: на всей Горе Линшань во всем мире лишь один Юй Цин мог позволить себе её использовать так, чтобы не разорвало меридианы.

Прикинув время, Дао Гуйчжоу сообразил, что запас, выданный Юй Цину в прошлый раз, и впрямь должен был подойти к концу.

Он вовсе не подозревал Цзы Мина в неладном, просто удивился:

— Тогда почему ты пошел вместе со мной через горные ворота? Шел бы сразу туда.

Цзы Мин слегка склонил голову, ответив так, будто это само собой разумелось:

— Разумеется, чтобы проводить вас.

Дао Гуйчжоу, которого в итоге проводили самого:

— ...?

Заметив его недоумение, Цзы Мин с легкой улыбкой пояснил:

— Мне показалось, что Юэ Цин и И Цин собираются поссориться, а вы, младший дядя-наставник, совсем не умеете разнимать споры. С моим присутствием вам будет хоть немного спокойнее.

Дао Гуйчжоу слегка опешил. Юэ Цин и И Цин и впрямь то и дело пикировались между собой — ссорами это назвать было трудно, просто у И Цина характер упрямый, он вечно стоял на своем. И по правде говоря, всякий раз, когда они затевали перепалку на глазах Дао Гуйчжоу, он действительно ничего не мог с этим поделать.

Он не умел утешать людей и совершенно не умел останавливать ссоры.

Но погодите-ка...

Дао Гуйчжоу мысленно перебрал воспоминания о Цзы Мине из книги.

Угу.

Выглядит так, будто ты великий мастер примирения.

Заметив его молчание, Цзы Мин лишь усмехнулся:

— Я ведь тоже не особо умею. Но когда в растерянности двое — это все же лучше, чем когда один человек мучается от неловкости.

Дао Гуйчжоу медленно скривил голову:

— Ты случаем не в доле с червями... эээ, с глистами в моей голове?

Впрочем, похоже, всё так и было.

Нет!

Какое всё так и было, к черту!

Мысленно выругавшись на пагубное влияние красивой внешности, Дао Гуйчжоу с беспомощным видом произнес:

— На самом деле старший брат с И Цином из-за таких пустяков обычно не ссорятся. Раньше они и впрямь грызлись часто, но потом заключили уговор из трех пунктов, и больше подобные темы не поднимают.

— И всё же это касается лишь большинства случаев.

Цзы Мин опустил взгляд на запястье Дао Гуйчжоу. Оковы, связывавшие их прежде, Юэ Цин безжалостно разрушил. На запястье парня не осталось и следа, зато на коже Дао Гуйчжоу алел бледный круглый след, похожий на ожог от трения.

Взгляд Цзы Мина слегка потемнел, кончик языка невольно коснулся уголка губ:

— Даже если это исключение, я не хочу, чтобы младший дядя-наставник попал в затруднительное положение.

Дао Гуйчжоу с запозданием моргнул, сообразив, что именно произнес Цзы Мин:

— ...Спасибо?

Он не мог точно описать то, что творилось у него на душе.

Но казалось... кажется, впервые в жизни о его чувствах кто-то проявил такую заботу.

Причем в мелочах, в таких деталях, которые он и сам склонен был упускать из виду.

И в этот самый момент Цзы Мин добавил:

— Младший дядя-наставник, вам не за что меня благодарить.

Опустив ресницы, он тронул губы улыбкой:

— Мне уже радостно от того, что вы не сочли меня назойливым.

Да и к тому же, войти в горные ворота вместе с ним, проводить его до обители — было его давней мечтой и стремлением.

Услышав это, Дао Гуйчжоу невольно растрогался.

Система, уловив перемену в его настроении, тотчас почуяв неладное.

Она увидела, как Дао Гуйчжоу окинул Цзы Мина сложным взглядом, полным отеческой любви, и это выражение абсолютного умиления выглядело донельзя странно — то ли материнское, ах нет, родительские чувства били через край.

Система: ...

Она решила, что этого парня уже не спасти ни в этой жизни, ни в какой другой.

Распрощавшись с Цзы Мином у ворот, Дао Гуйчжоу напрямик направился на Пик Духовного Меча к своему наставнику.

Он не жалел ни сил, ни красивых лиц, но свою шкуру берег пуще всего.

Он отлично помнил то мгновение помрачения рассудка в тайной комнате.

Теперь ему не терпелось поскорее забросить себя в Пруд Согревающих Душ.

[...И кто это у нас тут недавно воротил нос от Пруда Согревающих Душ?]

Дао Гуйчжоу: То было совсем другое, тогда меня заставили силой, а теперь я и сам не против.

Нестабильность духовного сознания — шутки ли.

Не удержи он его вовремя по неосторожности, душа могла бы напрямую упорхнуть из этого тела, а затем развеяться дымкой меж небом и землей.

Если бы такое стряслось, это было бы слишком жалко, ей-богу.

Отыскать Истинно Видящего Цанхуа не составляло труда.

Либо он сидел в бамбуковой хижине на главной вершине Пика Шоулин, либо находился на том кладбище позади Горы Линшань.

Когда Дао Гуйчжоу ворвался в хижину, Истинно Видящий Цанхуа как раз заваривал чай.

Не поворачивая головы, он мягко произнес:

— Церемониями можешь не утруждаться, ты их отродясь не любил.

Дао Гуйчжоу, который изначально и не собирался отвечать поклоном, уселся прямо напротив него, глядя на дымящуюся пиалу в его руках.

Истинно Видящий Цанхуа тоже был облачен в белые одежды, но совсем не такие, как носили они, «поколение Цин».

Белые халаты учеников поколения Цин были однотонными, и лишь нефритовая подвеска на поясе добавляла капельку цвета.

А вот парадная форма старшего поколения, к которому принадлежал Цанхуа, отличалась каймой по краю одежд. Цвет этой каймы служил их символом, и вдобавок на ткани проступал скрытый узор в виде серебряных облаков.

Края белого халата Истинно Видящего Цанхуа обрамляла сосново-зеленая кайма, а на поясе покачивался не нефритовый кулон, а сосново-зеленый стеклянный бубенец.

Снизу свисали кисти такого же сосново-зеленого цвета.

Дао Гуйчжоу всегда больше нравились именно бубенцы старшего поколения.

При ходьбе они издавали тихий, приятный перезвон.

Украшения поколения Цзы тоже были неплохи.

Там две нефритовые бусинки ударялись о серебряный шарик, время от времени издавая звуки.

Дао Гуйчжоу любил всякие такие звенящие вещицы, но непременно с мягким, ненавязчивым звуком.

— Примчался с таким видом, будто натворил бед? — Истинно Видящий Цанхуа с досадой вздохнул. — Тебе ведь уже двадцать четыре, пора бы вести себя солиднее.

Дао Гуйчжоу: ...Наставник, неужели в твоих глазах я только и умею, что влипать в неприятности?

Истинно Видящий Цанхуа с улыбкой плеснул ему чаю:

— Еще и болезненный хиляк?

Дао Гуйчжоу добродушно усмехнулся:

— Завтра же перейду под начало наставника Юй Цина, как раз кстати — мне очень нравится Цзы Мин.

Истинно Видящий Цанхуа покачал головой с легким смешком и протянул:

— Ладно, давай к делу.

Дао Гуйчжоу развел руками:

— Да тут и дела-то особого нет. Просто пока я был в отлучке, меня на мгновение занесло, надо бы посидеть в Пруды Согревающих Душ.

Его беззаботный тон, однако, заставил Истинно Видящего Цанхуа нахмуриться.

Будучи прекрасно осведомленным о нраве своих учеников, он отлично знал и характер Дао Гуйчжоу.

Цанхуа протянул руку и кончиком пальца коснулся межбровья Дао Гуйчжоу, а мгновение спустя убрал руку.

Он удивился:

— Твое духовное сознание будто бы укрепилось... хоть это и едва заметно, и пользы от этого мало, но по сравнению с тем, что было раньше, стало чуточку...

Он показал пальцами крошечное расстояние:

— ...совсем чуть-чуть лучше.

Дао Гуйчжоу: ...?

Он уж было собрался подшутить над Истинно Видящим Цанхуа, как вдруг вспомнил о том, что первая печать в его теле дала трещину.

Неужели... это как-то связано?

[Бинго! Отгадка без приза, но старайся дальше!]

Дао Гуйчжоу: ...Какого хрена ты раньше не сказала?!

[Смотрел я на тебя, вроде тебя мало волновало собственное нестабильное сознание.]

Дао Гуйчжоу: ...Проваливай, катись куда подальше отсюда.

Не дождавшись ответа от Дао Гуйчжоу, Истинно Видящий Цанхуа протянул руку и коснулся каплевидного белого нефрита, свисавшего по центру налобной повязки юноши.

На всей Горе Линшань лишь Дао Гуйчжоу носил налобную повязку. И вовсе не потому, что он любил выделяться — просто эта повязка являлась духовным артефактом, питающим душу, а вшитый в её центр белый нефрит добывался как раз из Пруда Согревающих Душ.

Поначалу Дао Гуйчжоу люто ненавидел эту повязку, потому что она была ослепительно-белой, и стоило надеть её...

Мм.

Он становился похож на человека, соблюдающего траур по усопшим.

Истинно Видящий Цанхуа произнес:

— Нефрит цел, похоже, твои дела идут на поправку.

Он помедлил:

— И все же я посоветовал бы тебе не ходить в Пруд Согревающих Душ, чтобы не развивать привычку полагаться на него.

Дао Гуйчжоу заколебался на секунду и кивнул.

Гниющие столбы, покрытые пылью изваяния божеств — каждый уголок этого ветхого храма кричал о том, насколько убогим и глухим было данное место.

Женщина в алых одеждах с недоумением смотрела на черные цепи, опутавшие её тело, как ни старалась — освободиться не удавалось.

Саше на ее поясе непрерывно вибрировало, но его тоже сковала тонкая цепь, начисто лишая возможности сбежать.

Женщина перевела взгляд на человека в черных одеждах, сидевшего в углу, скрестив руки на груди, и не удержалась от вопроса:

— Зачем ты перехватил нас у посланников демонов? Чего ты добиваешься?

Фигура в черном целиком тонула во мраке, не позволяя разглядеть её лица. Он ничего не ответил, лишь внезапно поднялся на ноги.

А затем они увидели, как кто-то медленно шагает из-за занавеси слепящего света.

Человек в черном опустился на одно колено и хриплым, почтительным голосом произнес:

— .

Пик Линъяо.

Уцепившись за ветку фруктового дерева на обширной лекарственной плантации Пика Линъяо, Дао Гуйчжоу сорвал спелый белоснежный плод.

Потерев его о рукав, он тут же отправил фрукт в рот.

Сладкая, водянистая мякоть доставила ему такое наслаждение, что он принялся крутить на пальце нефритовую подвеску у пояса.

Блаженство.

Жизнь на Горе Линшань хороша тем, что можно безнаказанно лазать на Пик Линъяо за ворованными духовными плодами.

Аптекарский сад Пика Линъяо славился на весь мир заклинателей.

Обычные целебные травы росли здесь повсюду, те, что пореже — тоже повсюду, а стоило подняться выше — и встречались экземпляры, плодоносящие раз в столетие или тысячелетие, коих на Пике Линъяо тоже хватало.

Мало того, что они там были, для них имелся даже отдельный огороженный участок.

Потому, за исключением редчайших природных сокровищ и субстанций, Гора Линшань в целом ни в чем не испытывала недостатка.

Плод, который Дао Гуйчжоу стащил сейчас, предназначался для питания духовного моря, и внутренние ученики получали определенную норку каждый год.

Но у Дао Гуйчжоу никакой нормы не было, поскольку он единолично оккупировал самую знаменитую процедуру для подпитки души на всей горе — Пруд Согревающих Душ.

Он промышлял воровством вовсе не из жадности до ценных фруктов, просто язык ужасно привык к этому вкусу.

В прошлой жизни он страстно любил мангостины, но, попав в этот мир, с грустью обнаружил, что здесь такой разновидности нет.

Небеса сжалились над ним, и он отыскал на плантациях Пика Линъяо этот духовный фрукт: по вкусу он напоминал мангостин, но есть его было куда приятнее.

В конце концов, размером он уродился куда больше.

[...Нельзя ли тебе оставить в покое бедных учеников, охраняющих сад?]

Дао Гуйчжоу: Это они сами мастерством не вышли, моей вины тут нет.

Большинство стражей-учеников внутреннего круга находились на первой-второй ступенях Очищения Ци, едва опережая Дао Гуйчжоу.

Беда была в том, что хотя его владение мечом тянуло лишь на крепкий середнячок среди учеников внутреннего круга, зато мелкие заклинания он оттачивал до совершенства.

Особенно сокрытие ауры: при всем несовершенстве духовного сознания его ментальная сила уступала лишь силе старейшин, занимая первое место среди учеников внутренней секты.

Дао Гуйчжоу слизал с губ капельку сока и уже собирался протянуть руку за вторым фруктом, как вдруг над самой землей раскатился звонкий женский голос, полный энергии:

— Тянь! Цин!

Дао Гуйчжоу рефлекторно втянул голову в плечи, кувырком слетел с дерева и, не раздумывая, припустил во все лопатки.

Тьфу ты!

Разве эта грозная девица не уехала странствовать?!

[Поздравляю с крахом! Поздравляю с полным провалом! Лучший провал ждет тебя здесь!]

Дао Гуйчжоу: ...Да ты больна на всю голову.

Удирая со всех ног, Дао Гуйчжоу всё же не удержался и оглянулся: белая женская фигура летела по небу с такой скоростью, что рябило в глазах. И хотя за ее спиной тянулись гряды плывущих облаков, а скрытое ею солнце заливало их золотистым сиянием, Дао Гуйчжоу отчетливо видел позади нее полыхающее пламя.

То был огонь гнева.

Огонь смертельной ненависти.

Катализатор, что неминуемо приведет его к гибели.

В ту минуту в голове Дао Гуйчжоу крутилась лишь одна мысль.

Чертов наставник подставил меня свинью!!!

Если бы перед уходом Цанхуа не обмолвился вскользь, что старшая ученица Пика Линъяо, Вэнь Цин, ушла в странствия, разве стал бы он сюда соваться?

Ни за что!

Мысленно вопя и бессильно проклиная всё на свете, Дао Гуйчжоу почувствовал, как в спину ему вонзился прямой поток мечевой ци.

Его веки дернулись, и он без раздумий бросился в сторону. Острый клинок ци пролетел в считанных дюймах от подола его халата, оставив глубокий рубец на земле, а свист рассекаемого воздуха чуть не оглушил Дао Гуйчжоу.

Судорожно втянув воздух, он обернулся и с обиженным видом крикнул:

— Старшая сестра! Ты что, и впрямь прикончить меня решила?!

Вэнь Цин с мечом наперевес свирепо замахнулась для второго удара:

— Еще в прошлом году я говорила: сунься ты сюда еще хоть раз — либо ты умрешь, либо я!

— Старшая сестра, мы ведь из одного клана! — уворачиваясь от удара благодаря технике перемещения, возопил Дао Гуйчжоу. — Из-за какого-то паршивого фрукта — и сразу такие крайности? С каких пор на вашем Пике Линъяо стали такими мелочными?!

Пальцы Вэнь Цин, сжимавшие рукоять меча, побелели от напряжения, зубы скрипнули:

— А ты помнишь, сколько ты сожрал в прошлом году? Помнишь, сколько стянул позапрошлом?

Дао Гуйчжоу втянул голову в плечи, но ноги не сбавили хода:

— Да всего-то парочку...

[...Я бы с радостью встал на твою сторону, но называть «парочкой» количество, от которого у тебя самого живот сводило, это уже перебор.]

Дао Гуйчжоу: Если хочешь поддержать — молчи, спорщик хренов.

[...]

От этого счетного слова «парочка» у Вэнь Цин запульсировало в висках и вздулись вены.

<http://bllate.org/book/19500/1912545>